

Анна Быкова

Самая

известная в стране «ЛЕНИВАЯ МАМА»

МОЙ
РЕБЕНОК
С СУДОВОЛЬСТВИЕМ
ХОДИТ
В ДЕТСКИЙ
САД!

Мамина главная книга

Анна Быкова

**Мой ребенок с удовольствием
ходит в детский сад!**

«АСТ»

2016

УДК 159.922.7
ББК 88.8

Быкова А. А.

Мой ребенок с удовольствием ходит в детский сад! /
А. А. Быкова — «АСТ», 2016 — (Мамина главная книга)

ISBN 978-5-17-097378-1

Анна Быкова – талантливый педагог, практикующий психолог, мама двух сыновей, ее советам по воспитанию доверяют более 10 тысяч родителей! В этой книге вы найдете ответы на очень важные вопросы, от которых зависит – ни много ни мало – счастье ребенка, его нормальное психическое развитие: – как облегчить ребенку расставание с мамой; – как быстрее адаптироваться к детскому саду – не только ребенку, но и родителям; – как научиться спокойно реагировать на детские слезы, истерики, отсутствие аппетита, нежелание оставаться с «чужой тетей»; – что на самом деле происходит с ребенком в детском саду. А еще о важности новых трусов, постоянстве и маминых тревогах. Практический опыт, реальные истории, бесценные советы!

УДК 159.922.7
ББК 88.8

ISBN 978-5-17-097378-1

© Быкова А. А., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Введение	6
Максимка. О страшной чужой тете	7
Марина. О жажде внимания	11
Виталик. Об умении ждать	15
Бориска. О важности новых трусов	17
Кирюша. О постоянстве	21
Танечка. А нужен ли садик?	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Анна Быкова

Мой ребенок с удовольствием ходит в детский сад!

© Быкова А., 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

* * *

Ничего подобного раньше не встречала и не читала! По моему мнению, эта книга просто обязана стать бестселлером! Жаль, что она не появилась раньше, – возможно, мне удалось бы избежать многих ошибок при адаптации старшего ребенка сначала к расставанию со мной (я вышла на работу), а потом и к садику.

Мария, Москва

Очень полезная книга, с жизненными историями и реальными советами. Читаешь – и легче на душе становится: уже не коришь себя за то, что должна отдавать любимое чадо кому-то, потому что уверена – с ним все будет хорошо.

Ольга, Екатеринбург

Вспоминаю себя в детском саду, куда ходила, как на каторгу, и понимаю, насколько важно любящей маме (то есть КАЖДОЙ МАМЕ) хотя бы полистать эту книгу! Она читается на одном дыхании, а выводы делаешь – ого-го какие! Несмотря на «веселые» картинки, все сказанное в ней серьезно, профессионально и пронизано мудростью и опытом автора! Спасибо огромное, Анна!

Марина, Челябинск

Удивительно добрая, трогательная и нереально полезная книга! Каждая мама должна ее прочитать, еще и выделить важные места (а они в книге на каждой странице). Мамочки, не пожалейте денег – психологическое здоровье ребенка гораздо дороже!

Виктория, Санкт-Петербург

Была приятно удивлена, что наконец-то появилась стоящая книга про психологию ребенка в детском саду. Была б моя воля – в принудительном порядке заставляла бы ее читать всех родителей, а главное – воспитателей!

Полина, Краснодар

Тот редкий случай, когда понимаешь, что, попади эта книга тебе в руки лет пять назад, жизнь могла сложиться если не кардинально по-другому, то уж точно не так, как сейчас идет. Я бы не осталась с ребенком дома, забросив перспективную и любимую работу, а ребенок не получил бы явной психологической травмы быть без мамы. Мораль: девочки, читайте умные, полезные книги, они действительно способны сделать нашу жизнь счастливой.

Ольга, Москва

Введение

С проблемой адаптации ребенка к детскому саду я сталкивалась неоднократно и с разных сторон: как мама, как воспитатель младшей группы, как семейный психолог. Данная тема имела для меня большую личную значимость. Я помню, как ужасно адаптировался к детскому саду мой старший сын. Много плакал, много болел. Частые ангины, тяжелые затяжные отиты. Это прекратилось только тогда, когда я, оставив преподавание в колледже, устроилась на должность воспитателя в его детский сад. Это как раз совпало с периодом моей учебы на психолога в дополнение к моему высшему педагогическому образованию.

Учитывая практическую деятельность, для написания выпускной работы я выбрала тему «Психологическое сопровождение процесса адаптации детей к дошкольному образовательному учреждению», руководствуясь желанием помочь детям своей группы, особенно тем, которые уже на протяжении четырех-шести месяцев не могли привыкнуть к садику. Они тосковали по дому, плакали, болели, словом, демонстрировали все те симптомы, которые я видела в период затяжной адаптации у своего старшего сына. В результате проделанной работы у всех адаптирующихся детей наблюдалась положительная динамика. Даже у тех, кто ее не проявлял в течение нескольких месяцев посещения детского сада. Некоторые привыкшие к садику дети, но посещающие его без особого желания, стали ходить в детский сад с удовольствием.

Мой младший сын адаптировался быстро и бесслезно. Для этого у меня уже были опыт и знания, которыми я с открытым сердцем делюсь с вами в этой книге. Тут вы найдете следующее.

- Реальные истории сложных адаптаций с победным завершением.
- Анализ педагогических ошибок.
- Объяснение реакций ребенка.
- Работающие фишки и приемы.
- Никаких банальностей типа: придерживайтесь дома принятого в садике режима дня, ибо совсем не это определяет успешность адаптации.

В книге я делюсь своим практическим опытом, который опирается на знания детской психологии.

Максимка. О страшной чужой тете

Мой первый рабочий день в детском саду совпал с началом адаптации Максимки. Прежний воспитатель, работавшая на группе, предупредила меня, что будет сложный ребенок, который маму совсем не отпускает. Малыш уже посещал садик пару дней, потом неделю болел и вот опять выходит... Даже не знаю, кто больше испугался нашей встречи, я или Максимка.

Мне тоже нужно было время для адаптации к детскому саду, я сама в состоянии стресса первого рабочего дня, а тут ребенок, который с ужасом смотрит на меня, как на олицетворение зла. Ситуация осложнялась отсутствием помощника воспитателя. Няни или нянечки, как обычно ее называют родители. Максимка орал, вцепившись в маму: «Мамочка, не оставляй меня, пожалуйста!» Мне полагалось силой оторвать ребенка от мамы (а как иначе?), отвлекая, придержать его до момента ее ухода, а потом утешать до маминого возвращения.

Но у меня в руках кастрюля, я раскладываю детям кашу, потому что сегодня нет помощника воспитателя. Я не могу взять ребенка, потому что руки заняты кастрюлей.

И не могу поставить кастрюлю, потому что надо разложить по тарелкам двадцать порций каши.

А потом еще разлить кофейный напиток по чашкам.

А еще нарезать хлеб и намазать маслом.

А еще покормить с ложки тех, кто не умеет есть сам.

В это время родители продолжают приводить детей. Они хотят познакомиться с новым воспитателем, задать вопросы, рассказать про особенности своего ребенка.

А я режу хлеб чертовски тупым ножом, пока Максимка громко орет, вцепившись в маму.

Я знаю, что нужно поговорить с родителями, проводить вновь пришедшего малыша до умывальника, помочь ему вымыть руки, посадить за стол. Но я все еще не сделала двадцать бутербродов.

Масло. Как будто только что из морозилки. Оно же не мажется!

А Андрюшка уже пролил на себя кофейный напиток.

А Юлечка так далеко засунула ложку в рот, что вызвала рвотный рефлекс. Ее стошнило на стол, на пол, на сарафанчик. Я в полной растерянности. Сначала переодевать детей или сначала вытирать пол? А пол от рвотных масс отмывать просто водой или с «Деохлором»?

Как же все сложно!

Через несколько дней я уже ловко управлялась с кашей, успеваю общаться с родителями. Ножи наточила, а сливочное масло догадалась оттаивать на крышке кастрюли с горячим кофейным напитком или чаем. Да и рвоты у детей случались крайне редко. Просто в первый день все так навалилось. Как будто Мироздание проверяло на устойчивость мое желание работать в детском саду: «А не вернуться ли тебе в колледж преподавать дискретную математику, руководить дипломным проектированием? Очень хотела работать с маленькими детьми – получай все прелести работы с ними. Хорошо подумала? Вот орущий Максимка, которого ты боишься взять на руки...»

А мама Максимки все ждет, когда я возьму ребенка. Но терпение уже на исходе:
– Возьмите уже у меня ребенка! Сколько можно?! Я так больше не могу! – возмущается она.

Максимка с ужасом смотрит на меня. Я с ужасом смотрю на Максимку, на рвотные массы и кофейный напиток на полу, и честно признаюсь:

– Я не могу. Я не готова. Пожалуйста, можно не сегодня? Вам нужно на работу?

Наверное, у меня была очень умоляющая интонация. Мама сжалилась:

– Я пока не работаю. Мы можем сейчас уйти домой. Но я все-таки хочу, чтобы мой сын ходил в садик. Как нам быть?

– Я подумаю и позвоню вам вечером. – Первый рабочий день мне дался очень нелегко.

Я подумала. Решение пришло явно нестандартное. И я даже сомневалась, согласится ли мама Максима с ним.

– Понимаете, для Максима в садике все чужое. И я такая же чужая. Он боится и садика, и меня как часть страшного садика. Нужно, чтобы я установила с ним контакт вне стен садика. Чтобы он сначала привык ко мне и уже потом шел не в садик, а поиграть с Аней. Только ненавязчиво. Давайте будем по вечерам гулять на одной площадке. Я со своим сыном, а вы с Максимом. И обязательно устраивать совместные игры. А в садик пока не ходите.

Мама Максима адекватно восприняла такое предложение. Я объяснила своему сыну Арсению задачу, который в свои пять лет очень ответственно подошел к выполнению миссии и каждый вечер придумывал, что можно взять с собой на прогулку, чтобы заинтересовать Максимку.

Набор развлечений был достаточно стандартный: мыльные пузыри, цветные мелки для рисования, машинки на радиоуправлении, мяч, самокат, качели. Максимка сначала проникся доверием к Арсению, и я в его картине мира стала Аней – мамой Арсения. А Арсений, как бы между прочим, рассказывал про игры, в которые он играет в садике с ребятами. Так садик в восприятии Максима стал местом, где играет Арсений.

Не скажу, что через неделю Максимка оставался в садике без слез, но он отпускал маму, шел ко мне на руки и давал себя утешать.

!!!

Хуже, чем остаться без мамы, может быть только необходимость остаться совсем одному. «Совсем один» страшнее, чем «без мамы». Ребенок не должен идти просто в садик. Он должен идти к человеку, который будет заменять ему маму. Это придает спокойствие и уверенность: «Этот человек обо мне позаботится, поможет мне».

Легче к садикам адаптируются дети, у которых уже был опыт разлуки с мамой. Например, ребенок часто оставался с папой, или бабушкой, или тетей. Такие дети уже понимают, что может быть кто-то замещающий маму, и легче идут на контакт с воспитателем.

Этот же прием – знакомство с воспитателем до садика и вне стен садика – я рекомендовала своей знакомой, у которой был очень застенчивый ребенок. Для него сам по себе факт присутствия рядом чужого человека – сильный стресс. А уж если вокруг все чужое – и стены, и люди... Надо, чтобы хоть кто-то был знакомый. Лучше всего – воспитатель.

– Воспитатель же не согласится! Ей это надо? Личное время тратить на чужого ребенка.

– А это уже вопрос денег. Сколько предложишь. И насколько корректно предложишь.

– Это что? Взятка?

– Нет. Это плата за услугу. Почасовая. Как няне, как репетитору. Потраченное время должно оплачиваться – это нормально.

Сначала воспитатель просто общается с мамой, находится рядом, в поле зрения малыша. Он привыкает ее видеть. Потом воспитатель аккуратно налаживает контакт, начинает разговаривать с ребенком. Он привыкает ее слышать. Потом они вместе играют: при прямом участии мамы, при ее наблюдении со стороны, а потом мама может совсем уйти на некоторое время. Конечно, это все не за час. Вероятно, понадобится несколько встреч, прежде чем ребенок перестанет бояться чужой тети. Когда малыш придет в садик, у него уже будет «свой» человек в группе.

Это может показаться нереалистичным. Я понимаю, что у нас так не принято. Но знаю несколько подобных примеров мягкой адаптации, когда ребенок знакомился с воспитателем раньше, чем с детским садом. При обоюдной заинтересованности родителей и воспитателя это можно организовать. Заинтересованность родителя понятна: облегчить адаптацию своему ребенку. А в чем заключается заинтересованность воспитателя? Тоже в облегчении адаптации.

!!!

Тяжелую адаптацию проживает не только малыш и его родители, нелегко всем участникам процесса: и воспитателю, и другим детям группы, которые оказываются в атмосфере нескончаемого плача новенького.

Я прожила сотню адаптаций и понимаю разницу. Всем вовлеченным и причастным, всем, кто находится в радиусе видимости и слышимости от малыша, легче, когда он доверяет воспитателю. Лучше, если ребенок, прижавшись к моему плечу, тихо всхлипывая, оплакивает уход мамочки, но позволяет себя утешать, чем когда он бьется на полу в агрессивной истерике от ужаса перед незнакомой обстановкой и чужой тетей, которая зачем-то к нему приближается.

Самое важное при адаптации – налаженный контакт с воспитателем.

Совершенно необязательно по такой схеме адаптировать каждого ребенка, но желательно для тех, у кого низкая адаптационная способность. Такое «досадичное» знакомство с воспитателем поможет избежать лишних стрессов.

Я знаю, есть «отважные» родители, которые знают, что лучший способ научить плавать – это выбросить из лодки на середине реки. Соответственно, лучший способ адаптации – оставить сразу и на целый день. «Поревет и перестанет!» – говорят они. Конечно, перестанет – с этим я могу согласиться. Рано или поздно ребенок перестанет плакать хотя бы потому, что устал, нет больше сил даже на слезы. Но не могу гарантировать, что это пройдет без последствий для детской психики. Последствием может быть потеря ощущения безопасности и страх быть покинутым. Ребенок, который раньше спокойно отходил от близких, вдруг начнет снова цепляться за маму, испытывать страх, даже если мама просто выходит в соседнюю комнату. Будет требовать ее присутствия рядом даже ночью, потому что снятся кошмары. Страшные сны не случайны, это бессознательное перерабатывает события и переживания минувшего дня. Если психологическая травма будет серьезной, то она может давать о себе знать и во взрослом возрасте наличием иррационального страха «меня бросят» при установлении близких отношений.

К психологической травме приводят события, превосходящие возможности осмысления и выдержки. Если мы объясним ребенку, куда и зачем уйдет мама, и оставим его на

время, которое он сможет выдержать (полчаса, час, постепенно увеличивая интервал), то травмы не будет. Если ничего не объясним и оставим на целый день, несмотря на то, что раньше ребенок не имел опыта разлуки с мамой, то вероятность травмы высока. Если оставим на целый день, но при этом у ребенка уже есть неоднократный опыт, когда он проводил без мамы и более длительное время, то это тоже не будет травматично для психики.

!!!

У разных детей разные адаптационные способности, разный жизненный опыт – эти факторы важно учитывать. Если бы меня, обучая плавать, выбросили из лодки на середине реки, я бы, пожалуй, утонула.

Марина. О жажде внимания

Маленькая, худенькая и очень смышленная девочка трех лет. Мама Марины уже полгода как вышла на работу. До детского сада Марина сидела то с одной бабушкой, то с другой. Разлука с мамой ее не смущала – девочка привыкла, что та каждое утро уходит на работу, что может быть другой ухаживающий взрослый, и легко пошла на контакт со мной. Накануне вечером мама зашла в группу познакомиться и задать интересующие вопросы. Я попросила привести Марину в первый день пораньше. Садик работает с семи утра. Детей обычно начинают приводить ближе к восьми. Значит, если Марина придет хотя бы в половине восьмого, у меня будет целых полчаса, чтобы показать девочке группу, игрушки, поиграть с ней и только с ней. **Тридцать минут** индивидуального внимания – очень важный фактор для налаживания контакта. А налаженный контакт с воспитателем – половина успеха при адаптации.

Оказалось, что я напрасно переживала по поводу установления контакта. Марина при знакомстве сама взяла меня за руку, сама залезла ко мне на колени и начала легко и непринужденно болтать. Большинство фраз у нее начиналась со слова «Почему»:

- Почему они тоже приходят в садик?
- Почему она взяла кастрюли?
- Почему надо садиться за стол?
- Почему сюда?
- Почему он не ест?
- Почему он уронил ложку?
- Почему надо другую?

Сказать, что Марина ходила за мной весь день как хвостик, будет неправильно. Хвостики – это такие молчаливые детки, которые просто не выпускают из своей руки мою руку. Марина же не выпускала не только мою руку, но и мое внимание. Не хвостик, а пиявочка. Она мешала разговаривать с другими детьми, перебивая и громко спрашивая: «Почему ты разговариваешь с ним? Разговаривай только со мной». «Марина, я здесь не только для тебя, я здесь для всех детей и разговариваю со всеми», – этого Марина не могла понять.

Когда ко мне в группу зашла заведующая с вопросом, Марина без тени смущения встала между нами и, обращаясь ко мне, громко сказала: «Не разговаривай с ней, разговаривай со мной!» Я взяла Марину за руку, отвела в сторону и попросила:

- Марина, сейчас тебе нужно немножко помолчать, а нам поговорить.
- Почему мне помолчать, а вам поговорить? – Марина и «помолчать» несовместимы.

Это была тяжелая прогулка. Марина требовала безраздельного внимания, то и дело сбивая меня со счета. А мне нужно было обязательно считать до двадцати четырех – это не блажь и не обсессивно-компульсивное расстройство. Это столько детей должно быть в совокупности в песочнице, на веранде, на машине, на скамейке, на асфальте.

Двадцать три.

И я несусь за веранду – вдруг кто-то скрылся там от моих глаз. Марина за мной: «Куда ты? Почему ты убегаешь?» Вывожу из-за веранды Рому и снова пересчитываю.

Все равно двадцать три.

Дети, как муравьи, хаотично перемещаются по участку. То скрываются за спинами друг друга, то выныривают из-под скамейки, то опять...

«Я кому сказала! Нельзя заходить за веранду!»

У меня все равно двадцать три, я паникую и начинаю считать отдельно девочек и мальчиков, а Марина громко кричит: «Почему ты со мной не разговариваешь?!»

Артема нет! Артема нет на участке! Он ходит в садик третий день. Мама его оставляет пока только до обеда. Он не плачет, активно играет, но проблема в том, что он не знает гра-

ниц. В первый день я его несколько раз ловила при попытке покинуть участок. Во второй день все прошло гладко. Я рано расслабилась. На третий день Тема исчез. Я кричу коллеге с соседнего участка: «Присмотри за моими!» И быстро бегу к входным воротам. Марина замечает, что я намереваюсь исчезнуть из ее поля зрения, и у нее начинается истерика. Она бежит за мной и ревет: «Почему ты убегаешь!» Запинается, падает, ревет еще громче. Я кричу ей: «Марина, беги на участок», а сама шарю глазами в поисках мальчика. Марина встает и с громким плачем бежит за мной. Но бежит медленно, а мне надо бежать быстро, надо срочно найти Тему. Я хватаю Марину на руки (какое счастье, что она такая худенькая и легкая) и стремительно бегу к входным воротам. Обычно они всегда закрыты во время прогулки, но вдруг... У ворот, как и положено во время прогулки, стоит охранник.

– Денис, ты тут мальчика не видел?

– Нет.

Ворота закрыты, значит, выйти не мог. Выдыхаю, бегу дальше. Артема я нахожу в песочнице на участке средней группы. Опускаю Марину с рук на землю. Она тут же вцепляется в мою руку и в мой мозг вопросом: «Почему ты от меня убежала?» Беру в другую руку Артема, отчитываю: «Нельзя уходить. Я всегда должна тебя видеть» – и спешу на свой участок пересчитывать детей под Маринин аккомпанемент: «Почему ты мне не отвечаешь?» Я устала. Я чертовски устала от этой милой девочки. Но это была только середина дня. А Марину забрали после ужина.

Делюсь с родителями Марины своими наблюдениями:

– Честно говоря, это тяжело. Марина требует безраздельного внимания. А мое внимание должно делиться на всех детей.

Папа эмоционально закивал, в его глазах читалось: «Вы тоже! Вы тоже это заметили!», а вслух он сказал:

– Это реальная проблема! Мы не можем дома поговорить друг с другом, потому что Марина тут же перебивает! Она требует, чтобы слушали только ее, а сама говорит без умолку. Обсудить с женой какие-то вопросы мы можем только после того, как уложим Марину спать.

Реальная проблема? Но ведь родители сами создали ее. Тем, что не пытались исправить поведение, не говорили что-то вроде: «Марина, давай сейчас послушаем маму. Марина, сейчас папина очередь говорить».

На следующий день мы делаем коллективную творческую работу «Цветочный ковер». На большой ватман зеленого цвета наклеиваем цветы, заранее вырезанные из цветной бумаги. Они отличаются по цвету и размеру. Дети могут сами выбрать, какой цветочек куда наклеить. В этой простой работе очень диагностично раскрываются характеры детей. Вилена – яркая девочка с лидерскими задатками – выбирает ярко-алый крупный цветок и лепит его в самый центр, потом поворачивается к подружке Олеся и командует: «А ты вот этот желтый рядом приклей». Олеся слушается. Она всегда слушается Вилену. И это меня смущает. Вилена придумывает правила игры и диктует их Олеся. А та не смеет отказать. Я только по глазам девочки могу догадаться, нравится ли ей предложенная игра. И спрашиваю: «Олеся, ты хочешь в это играть?» «Нет», – шепотом отвечает Олеся, боясь обидеть Вилену. Вот и сейчас я останавливаю лидерский порыв последней: «Не командуй. Пусть Олеся сама выберет цветочек!» Та в нерешительности замирает. Ее рука уже тянулась за желтым цветком и зависла после моих слов. Олеся выбирает небольшой нежно-розовый цветок и клеит его в уголок листа.

– Почему ты не клеишь цветок? – спрашивает меня Марина.

Она уже выбрала себе маленький ярко-малиновый цветок, но почему-то не спешит наклеивать.

Действительно, на этой поляне цветов мне тоже нужно найти место. Я выбираю самый большой цветок. Больше, чем у Вилены. Странно, что она сама его не взяла. Или не странно,

а наоборот, нормально, что Вилена оставила его для меня. Это в представлении взрослых людей я маленькая и худенькая, а в своей группе трехлеток – бесспорно, самая крупная фигура. И только я размещаю свой большой цветок на поляне, Марина клеит сверху свой ярко-малиновый.

Я помню из школьного курса биологии, что есть такие растения-паразиты, которые поселяются на других растениях и питаются за их счет. Да, есть ощущение, что за вчерашний день эта крошка выпила всю мою энергию. Что-то надо с этим делать. Цветов осталось много, и я предлагаю Марине наклеить еще цветочек. Марина выбирает маленький цветочек, на несколько секунд задумывается и приземляет цветок поверх большого цветка Вилены.

Почему же эта девочка не клеит цветок на свободное пространство, а только на чей-то цветок?

Потребность в чьем-то внимании?

В наличии свободных ушей?

Однако это идея: поручить Вилене шефство над Мариной. Немного освободятся мои уши от Марины и Олеся от лидерского натиска Вилены.

Вечером спрашиваю маму Марины:

– Бывают ли моменты, когда Марина остается без внимания? Может ли она сама себя занять, немного поиграть одна?

– Нет, у нас такого не бывает. С ней постоянно кто-то рядом. Она не дает мне готовить ужин, если папы нет дома. Обычно в таких случаях бабушка задерживается, чтобы я могла заняться домашними делами, пока она играет с Мариной. Если сама Марина не хочет есть, то мы с папой ужинаем по очереди: пока один ест, другой играет с Мариной. Причем игры она придумывает сама, играет сама, но нужен обязательно зритель.

– А что будет, если бабушка уйдет домой, а мама не пойдет играть и останется на кухне готовить ужин?

– Ну, – неуверенно предполагает мама, – тогда Марина будет реветь.

– Я правильно понимаю, что вы стараетесь не допускать таких слез?

– Да, конечно.

!!!

Дети, которые не режут дома, потому что никогда не сталкиваются с отказом, потом очень много режут в садике.

Я имею в виду капризы и сиюминутные исполнения желаний. Для Марины было неприятным открытием, что я делаю то, что должна делать, а не то, что хочет Марина прямо сейчас, и слезы ей тут не помогли...

– Почему ты не хочешь мне читать?

– Ты же видишь, я накрываю на стол.

– Почему ты накрываешь, а не читаешь?

– Потому что сейчас будет завтрак, и мне нужно накрыть на стол.

К концу дня я уставала давать развернутые объяснения и отвечала просто: «Потому что».

Через неделю стало легче. Во-первых, Марина стала спокойней относиться к тому, что я могу быть занята другими детьми или другими делами. Во-вторых, научилась делать зрителями своих игр некоторых ребят из группы.

Адаптацию Марины можно назвать легкой. Но было бы еще легче, если бы до детского сада Марина поняла, что взрослые могут быть заняты своими делами, а не только Мариной.

Я понимаю, что детские слезы – тяжелое испытание для взрослой психики. Порой хочется идти на разные уступки, только чтобы не слышать, как он ревет. Но реальность такова, что весь остальной мир не будет подстраиваться под желания ребенка. Однажды ему все равно придется встретиться с отказом, испытать по этому поводу негативные эмоции: злость, печаль, отчаяние, обиду. И только после этого включаются адаптационные механизмы психики, помогающие выдерживать отказ. В три года ребенок хорошо выражает свои желания, осознает себя как отдельную личность, понимает, что есть другие люди. Важно еще объяснить ему, что у других людей есть свои желания и потребности.

Виталик. Об умении ждать

Как-то услышала критику в адрес одной школы развития по поводу плохой материальной базы: детям предложили собирать пирамидку по очереди. Когда дети в этой школе развития время от времени что-то делают по очереди, то это безусловный плюс к занятиям. Хорошо, если периодически на занятиях дети будут собирать пирамидку по очереди. Потому что без очереди они ее и дома соберут.

Я специально на своих занятиях в школе развития давала малышам что-то делать по очереди, так как одна из задач занятий – подготовить их к детскому саду.

!!!

В детском саду ребенку постоянно приходится ждать своей очереди. Ждать, когда поставят компот, ждать, когда освободится унитаз, ждать, когда помогут одеться. Не умеющие ждать малыши испытывают стресс и закатывают истерику.

– Одень меня! – ревет Виталик.

Новенький, сам еще не умеет одеваться. И ждать тоже не умеет. Я одеваю его самым первым, но это не спасает от слез. Потому что одетому Виталику немедленно хочется на улицу, но опять приходится ждать остальных.

– Дай мне руку! – новая волна слез.

Новенькие малыши часто ходят исключительно за руку с воспитателем. Им так спокойнее. Обычно во время прогулки у меня заняты обе руки. Причем держащихся за меня детей может быть больше двух. Настя и Катя, например, довольствуются двумя пальчиками. А за мизинец еще может ухватиться Костик.

Мне не жалко руки для Виталика, но сейчас я надеваю варежки. Двадцать пять пар.

У меня большой опыт по надеванию варежек и натренированные дети. Процесс налажен и занимает в общей сложности пять минут. Как только мы выходим из здания садика, дети встают в очередь, протягивая мне варежки. Дальше на свой участок можно идти только в варежках. Варежки не надеваем в группе специально, чтобы малыши в верхней одежде не находились лишнее время в жарком помещении. Пять минут я буду занята варежками, а Виталик стоит рядом, жаждет мою руку и ревет. Потому что не умеет ждать.

Потом он ревет «Раздень меня».

Потом «Покорми меня».

Потом «Посиди со мной».

Засыпает Виталик, только если сидишь с ним рядом на краешке кровати и гладишь по спине. А мне нужно каждому из ребят поправить одеяло и нашептать сон. Есть у нас такой ритуал. И вот, пока я обхожу остальных ребят, периодически обращаясь к Виталику: «Подожди, я сейчас подойду», он ревет. Потому что не умеет ждать.

В моей группе есть несколько ребят, которые в свои три года уже старшие дети в семье. Для них ждать – не проблема. Они привыкли делить внимание взрослых с братом или сестрой. Они привыкли ждать, пока мама оденет брата или сестру, пока малыш наестся или уснет.

!!!

Ждать – это очень важное умение. Умеющий ждать ребенок бережет нервы и свои, и родителей. Ждать – это потерпеть, переключиться, занять себя чем-то. Ждать – это когда все прихоти не выполняются сию минуту. Ждать – это понимание, что есть другие, со своими желаниями и потребностями.

Для легкой адаптации к садику научите ребенка ждать. И даже если вы в садик не собираетесь, все равно научите. В жизни пригодится.

Бориска. О важности новых трусов

– Катя, он почему у тебя босиком?

– Ну нет у меня сандалий!

– Так купи!

– Нет у меня денег! Я же только что на работу устроилась.

В группе новенький. Сын воспитательницы. Она действительно только что устроилась на работу и еще не получила зарплату, чтобы купить ребенку обувь.

– Катя, у тебя же муж есть, он работает. Неужели нет денег на сандалии?

– У нас бюджет раздельный. А на ребенка расходы пополам. Он купит один сандалик, но второй должна купить я, а у меня пока денег нет.

– Пипец, – я позволила себе выразиться совершенно непедagogично, пользуясь тем, что дети спят и не слышат.

Мне не хотелось объяснять каждому родителю, почему в моей группе ходит босой ребенок. Да и ребенку явно было не по себе, что все в сандаликах, а он – без. Бориска очень радовался, когда я принесла ему сандалии. Старые, из которых уже вырос мой сын Арсений. «У Бориски сандалики! У Бориски сандалики!» – целый день повторял Бориска. «Спасибо», – сказала мама Катя.

Новые сандалии у ребенка так и не появились...

Вообще было ощущение, что на малыше экономят. Одежда старенькая, застиранная, местами заштопанная. Няня, меняя Бориске мокрые трусы, брезгливо морщилась и ворчала: «Хотела бы я на Катину белье посмотреть. Неужели такое же?» Трусы у Бориски были растянутые, грязно-серого цвета с желтыми пятнами на причинных местах. (Да, такое бывает: сотрудники за глаза обсуждают родителей. И я не могу запретить няне иметь свое мнение. Но я грозно шепчу: «Тсс! Никогда не отпускай свои комментарии при ребенке!»)

– Катя, – осторожно спрашиваю я маму Бориски, – ты где Бориске одежду покупаешь?

– Знакомые отдают то, что их детям мало.

– Катя, купи ребенку новые трусы. Хотя бы трусы. Ты пойми, что брезгливое отношение к одежде переходит в брезгливое отношение к ребенку, а он это отношение чувствует. Детям в группе в этом возрасте без разницы, кто и в чем одет, но есть родители, которые оценивают по одежде, формируют свое отношение и транслируют его детям.

Катя обиженно скривила рот.

– Муж не будет покупать другие трусы, если есть эти.

Зачем я лезу? Это дело родителей. Не будь Катя моей коллегой, я бы вовсе не стала вмешиваться. Бориску жаль...

* * *

У Бориски челка лезет в глаза.

– Катя, подстриги волосы Бориске, они же ему мешают.

Катя подстригла. Сама. Как умеет. Получилась короткая кривая челка, которая придавала Бориске глуповатый вид.

– Совсем бедного ребенка изуродовала, – ворчала няня себе под нос, гремя посудой.

Няня у нас резковата, но посуду моет чисто. И детей любит.

* * *

Утренник в детском саду – это событие, к которому долго готовятся и педагоги, и дети, и родители. С детьми разучивают песни, танцы, стихи. Родители готовят наряд для ребенка, видеокамеру, отпрашиваются с работы. Предпраздничная суета в раздевалке. Мама переодевает и причесывает детей. Немыслимым образом на головах девочек с короткими жиденькими волосами закрепляются огромные банты. На мальчиках появляются жилетки и галстуки-бабочки. Мама нахваливают детей и их наряды.

– Я красивый? – решил еще раз удостовериться Максимка.

– Красивый.

– Нарядный?

– Нарядный.

– А Бориска не красивый и не нарядный! – громко, на всю раздевалку, сообщает Максим, привлекая всеобщее внимание к одиноко сидящему у своего шкафчика Бориске.

Вид у Бориски грустный, потерянный. К нему никто не пришел, никто его не переодевает. Заглядываю в шкафчик в надежде увидеть там наряд, принесенный с утра – ничего.

– Катя! – я бегу с вопросом в соседнюю группу к маме Бориски. – Ты будешь на утреннике?

– Нет, я же на группе.

– Ты что, подмениться не могла?! Все мы на группе, но можно найти возможность поменяться сменами, чтобы попасть на утренник к своему ребенку. А папа будет?

– Нет, не собирался.

– Вы что?! У ребенка первый утренник! У всех будут родители в зале, а он один?! Ты хотя бы наряд приготовила?

– Нет. Да зачем, он же еще ничего не понимает.

– Сама ты, Катя, ничего не понимаешь!

Я по совету няни надеваю на Бориску белую футболку ее сына. Это все же лучше, чем старая рубашка Бориски, залитая борщом в обед. Бориска рад этому действию: его тоже переодевают в «наряд», как и остальных детей группы.

При подготовке к утреннику в младшей группе мы с музыкальным руководителем специально придумывали танцы для малышей с родителями. И игры для малышей с родителями – на этом строится сценарий праздника. Чтобы родители были не просто зрители, но и участники. Иначе, по прошлому опыту, кто-нибудь из малышей убежит к маме на колени и просидит там весь праздник. И стихи дети уверенней читают, если с ними вместе выходит мама и держит за руку. Специфика возраста. Первый утренник. Я считаю, лучше, когда родители активно взаимодействуют с детьми в зале, чем когда их вообще не пускают на праздник, а только видеозапись показывают.

Для меня утренник – это прежде всего ощущение праздника, радостные эмоции детей и родителей, а не отчет музыкального руководителя: «Чему я научила детей на занятиях».

У всех на утреннике были родители. Мама с детьми пляшут, папы на камеру снимают. И только Бориска без родителей, все танцы танцует в паре со мной.

Вечером мне представилась возможность познакомиться с папой Бориски. Он впервые пришел забрать сына из садика.

Сказать, что молодой человек произвел неизгладимое впечатление – это как-то тускло. Не впечатление. Открытие! Вызвавшее бурю эмоций и размышлений.

Папа Бориски оказался «синтоновцем» – выпускником психологического клуба «Синтон», основателем которого является автор книг по популярной психологии Николай Козлов. В чем открытие? В том, что информацию, которую автор облекает в сообщение, каж-

дый трактует по-своему. Я тоже в школьные годы читала «Как относится к себе и людям» Николая Козлова, но почему-то выводы для себя сделала совсем другие. После прочтения я поняла, что мне никто ничего не должен, что обижаться глупо, что люди не должны соответствовать моим ожиданиям, что чем меньше у меня будет ожиданий, требований, оценочных суждений, тем лучше для моего же психологического комфорта.

Папа Бориски после прочтения прочно усвоил, что он никому ничего не должен, в том числе не должен соответствовать чьим-то ожиданиям, не обязан следовать глупым традициям социума, а если кто-то на него обижается, то это их проблемы. А у папы Бориски проблем нет. Вообще. Он взял на вооружение цинизм и «здоровый эгоизм» и с этим идет по жизни – вот его секрет психологического комфорта. Жаль, что он еще не привил этот цинизм и эгоизм сыну Бориске, потому как Бориске для психологического комфорта не хватало простых «пережитков» социума: друзей в группе, нарядной одежды, родителей на утреннике...

– Вы почему не пришли на утренник? Разве не знали?

– Знал. Но не считал нужным. Стих мне мой сын и дома расскажет с не меньшим успехом, а на чужих детей мне смотреть не интересно.

– А вы так и объяснили ребенку, почему вас не будет? Бориска вас ждал, искал глазами среди зрителей в зале. Это был его первый утренник. Он так хорошо танцевал.

– Ну, дома мне станцует. Какая разница, где по кругу топтаться – дома или в садике. Тоже мне балет.

– А наряд почему не приготовили? – умышленно задаю вопрос папе, потому как мама все опять спишет на нехватку денег.

– Зачем? Нецелевые расходы. Тратить деньги ради того, чтобы полчаса ребенок покрасовался в компании таких же разодетых отпрысков? Детям это не надо. Детям так-то пофиг, в чем они одеты.

Я еле сдерживаю в себе нарастающую ярость. Но привычная моя нейтральная учтивость все-таки улетучивается.

– А вам не пофиг на свой внешний вид? Вы ведь одеты намного лучше сына, в обносках не ходите. И стрижка у вас модельная, явно не Катя обкорнала.

– Я могу себе позволить и хорошую одежду, и стрижку, и даже новую машину. Это Катя не может заработать так, чтобы хватило на себя и на сына. Вы же знаете, у нас бюджет на ребенка пополам.

– Но у вас с Катей разные возможности для заработка.

– Почему? Она такой же человек с двумя руками и двумя ногами.

– Ага, только при всем прочем равноправии, почему-то Бориску вы не по очереди вынашивали и не пополам рожали. И в отпуске по уходу за ребенком дома Катя одна сидела, не имея возможности карьерного развития в этот период.

– Она взрослый человек, это ее сознательный выбор. Я изначально предупредил обо всех условиях, она согласилась. И ребенка содержать на половину, и половину комнаты оплачивать.

– Как половину комнаты?

Я знала, что моя коллега Катя живет с мужем в общежитии. Но я так же знала, что эта комната в собственности мужа. Вопрос: за что Катя платит?

– Ну, я ей сдаю половину своей комнаты.

Порой мне кажется, что инстинкт продолжения рода частично блокирует у женщин мозг. Мне не очень понятно, как можно было согласиться на такие условия и такое замужество и рожать ребенка от этого «здорового эгоиста». Хотя, с другой стороны, если бы желание

женщин родить ребенка не было сильнее доводов здравого смысла, возможно, человечество бы уже вымерло...

!!!

Родители вправе быть сколь угодно циничными и даже презирующими общественное мнение, могут быть выше «предрасудков социума», могут жить вне его рамок и шаблонов. Но тогда не стоит создавать дискомфорт собственному ребенку, отправляя его в этот самый социум, с кучей шаблонов и традиций.

Ребенок еще слишком мал, чтобы оспаривать, осмеивать, противостоять правилам социума или хотя бы их игнорировать. Для него становится важным мнение педагогов и сверстников. Особенно, если с папой-синтоном он в состоянии бодрствования проводит всего один час в день, а в детском саду – десять часов. В этом случае игнорирование родителями общественного мнения и принятых внутренних правил учреждения – преступление против ребенка, ухудшающее его эмоциональный комфорт. Попросту говоря, ребенок может стать изгоем.

Поэтому общие правила надо соблюдать. Предпочтения социума – тоже. «Так принято» – это комфорт вашего маленького ребенка. Одежда должна быть чистая. Трусы новые. Это, конечно, мелочи, но они влияют на формирование отношения к малышу.

Кирюша. О постоянстве

Ох уж мне эти дети сотрудников... Мамы думают, что если они будут где-то поблизости, то ребенку в садике будет легче. А получается «видит око, да зуб неймет». Лишние слезы.

Малыш не может понять, почему нельзя уйти к маме в соседнюю группу, почему он должен быть здесь, если мамочка – там, рядом, буквально через коридор. На период адаптации лучше, если ребенок не будет знать, что мама работает в том же садике. Не показываться. И уж тем более не брать «на чуть-чуть» к себе в группу. Никаких исключений. Исключения только нервируют ребенка.

!!!

Детям не нужны исключения из правил. Им нужны постоянство и стабильность.

Кирюша привыкал к садiku полгода. Так и не привык. Ушел из садика вместе с мамой Леной – воспитателем средней группы. Точнее, не так, не в такой последовательности, а наоборот: сначала ушла с работы мама – это первопричина, а так как путевка служебная, то и Кирюша прекратил посещать садик. Мама, кстати, не сама ушла, а ее «ушли», то есть предложили уволиться. Предложение поступило после ее слов, сказанных методисту: «Я вообще-то сюда не из-за чужих детей пришла, а из-за своего». Этим отличаются мамы с педагогическим призванием от тех, кто пытается найти в работе воспитателя какую-то выгоду. Выгоды нет. Есть труд, тяжелый в эмоциональном и физическом плане. Мамы-педагоги-по-призванию отдаются чужим детям настолько, что на своих детей уже не остается сил. Увы, но это так.

Лена не была педагогом по призванию. Она не была педагогом даже по образованию. Красный диплом экономиста и наличие своего ребенка – этого недостаточно, чтобы быть хорошим воспитателем. Конечно, можно почитать методику работы с детьми, педагогику, психологию. Именно на это изначально методист и рассчитывала: если у человека красный диплом экономиста, то логично предположить, что есть мозги и она обучаемая. Но при воспитании детей хорошо функционирующего мозга недостаточно. Нужна еще и определенным образом настроенная душа. Душа, обращенная на ребенка. Чтобы чувствовать, чтобы сочувствовать, созидать и сопровождать. А не просто осуществлять присмотр и передачу знаний-умений-навыков.

Лене корона красnodипломного экономиста явно мешала в работе. Она четко понимала, что работает в садике временно, пока младший ребенок не пойдет в школу, а вообще-то у нее тааакой потенциал. С этой позиции присесть до уровня детских сопливых носов было очень неудобно. Но ради Кирюши Лена была готова пожертвовать несколькими годами в построении карьеры.

Хотя как раз для Кирюши и его успешной адаптации было бы лучше, если бы мамы в садике не было.

– Лена, я же тебе говорю, приводи Кирюшу в одно и то же время! Ты же ему каждый день стресс создаешь!

Сегодня Лена приносит рыдающего Кирюшу к завтраку. А не в семь утра, когда начинается рабочий день воспитателей. До этого она держала сына у себя в группе. Довольный Кирюша ходил по маминой группе, играл игрушками. И тут, ни с того ни с сего, мама берет и уносит его в другую группу. Лена объясняет малышу необходимость перемещения тем,

что больше у мамы в группе находиться нельзя, что сейчас злая тетя заведующая придет и будет ругаться, ведь Кирюше у мамы в группе быть нельзя. Вот дура! Ну нет у меня других слов. Она еще и пугает малыша заведующей. А заведующая, делая релакс-паузы в работе, каждый день заходит в группу посмотреть на деток, поиграть с ними в ладушки, зарядиться энергией и осознанностью, ради чего и ради кого она работает. Дети из группы любят визиты заведующей. Они бегут к ней обниматься. А Кирюша – самый первый. Еще и на колени обязательно забирается.

Дети в группе перестают есть и наблюдают, как орущий Кирюша виснет на маминой шее. Лена пытается усадить его на стул и расцепить его руки.

– Лена, дай Кирюшу мне, у тебя дети в группе без присмотра! – я уже морально готова к тому, что сейчас Кирюша будет вырываться и пинать меня ногами.

Это мы уже проходили. Это ежедневный момент. Я привыкла и знаю, как лучше взять Кирюшу, чтобы зафиксировать его ноги. Сначала он вырывается, потом расслабляется и обнимается. А потом превращается в веселого, любопытного, контактного малыша, который активен на занятиях и в играх, прыгает, хлопает в ладоши, заливисто смеется и бежит обниматься к каждому взрослому, который заходит в группу. Если бы не мамыны выкрутасы, Кирюша бы легко адаптировался.

Чем бы так маму напугать, чтобы она прекратила держать Кирюшу у себя в группе до завтрака?

– Лена, приводи Кирюшу с утра! Он же сейчас будет реветь и не позавтракает!

Это была моя ошибка. Я никак не могла предположить такой поворот событий. Лена хватает Кирюшу и порцию творожной запеканки со стола, и уносится в свою группу со словами:

– Я тогда его у себя покормлю, а потом принесу.

Так и хочется настучать ей по голове. То есть сейчас Кирюша радостно решил, что он ревом добился своего и остался опять с мамой. А через десять минут, когда он счастливо расправится с запеканкой, мама устроит ему повторение стресса.

Я не выдерживаю, звоню папе Кирюши в надежде, что он более адекватен. Мне кажется, лучше эту проблему решать через папу ребенка, чем через заведующую садиком.

Папа внял моим доводам. Каждое утро он стал лично привозить Кирюшу в садик, в одно и то же время, минуя мамину группу. С папой Кирюша расставался гораздо легче. Они по моему совету придумали особый ритуал прощания. Через семь дней слезы расставания прекратились. Постоянство дает свои результаты.

Но мама нашла новый способ усложнить ребенку жизнь. Зачем-то показалась сыну на прогулке. А все ведь было предусмотрено: на прогулку по совету бывалых воспитателей она надевала чужую куртку. Между участками мамы и сына было еще два участка. Чужая куртка и большое расстояние выручали. Кирюша не знал, что мама где-то рядом, и спокойно гулял, лепил куличики, играл с ребятами. Что двигало Леной, когда она пришла на наш участок переодеть Кирюшу в другую шапочку? Ее можно было передать через другого воспитателя, но не показываться ребенку. Кирюша видит маму и молниеносно решает, что та пришла его забирать. Радость тут же сменяется горем: мама надела другую шапочку и уходит. При этом Кирюша видит, куда она уходит. Теперь он стоит у изгороди своего участка, взор направлен на участок, по которому в чужой куртке с чужими детьми ходит его мамочка. Мальчик рыдает, потом сбегает с участка и с ревом несется в сторону мамы. Мама срывается и бежит навстречу Кирюше. Малыш бросается ей на шею. Прямо-таки сериальная сцена. Странная женщина. Ей что, сильных эмоций в отношениях с мужем недостаточно? Мама осыпает Кирюшу поцелуями и... несет обратно на участок Анны Александровны с железным аргументом: «Анна Александровна не разрешает». Конечно, давай Лена, выстави меня в глазах

ребенка злыдней. Ему ведь каждый день со мной общаться приходится, пусть знает, что это из-за меня он разлучен с мамой...

На соседнем участке гуляет мой сын. Носится с ребятами, иногда дерется. Машет мне рукой и посылает воздушные поцелуи. Но не пытается перелезть через заборчик. Он знает, что мама работает и к ней нельзя. Не потому что заведующая будет ругаться или воспитатель не отпустит, а потому что мама работает, мама занята, у мамы есть обязанности. Ребенок быстро привыкает к любым правилам, при условии, что они постоянны.

– Раз уж он меня заметил, пусть сегодня со мной на участке побудет, я его после прогулки принесу.

Заметил? Как же он мог тебя не заметить, если ты сама к нему пришла...

– Лена, ты что? Он же потом все прогулки к тебе проситься будет! Играть перестанет, будет только реветь и тебя глазами искать. Сбежать при любом удобном случае начнет.

– Ну пусть он всегда со мной гуляет.

– Лена, какое «всегда»? Ты по сменам работаешь. Кирюша через день будет рыдать, что вместо мамы на ее участке другая тетя.

– Я тогда сейчас его возьму, а потом с ним поговорю, что ко мне нельзя.

И Лена с орущим Кирюшей на руках стремительно уходит на свой участок. Вот как ей еще объяснить, что если нельзя, то нельзя? Как она не может понять, что действует во вред ребенку?

!!!

Дети хорошо понимают строгое «нельзя». Но с пониманием более сложных конструкций типа «вообще-то нельзя, но вот сегодня можно, а потом опять нельзя, совсем нельзя, ну разве что в крайнем случае» всегда возникают проблемы.

Но не догонять же Лену и не отбирать у нее Кирюшу.

Лена притаскивает Кирюшу после прогулки, быстро сует мне ребенка и убегает раздевать свою группу. Кирюша некоторое время истерит, не подпускает к себе и не дает раздевать. Плохо ест, долго не может заснуть, лежит и всхлипывает: «Хочу к маме».

Несколько дней после этого инцидента, как я и предполагала, Кирюша на прогулке высматривает маму. Всю прогулку мы с ним как мантру повторяем: «Мама работает. Мама поработает и придет. Кирюша поспит, покушает и мама придет». Сначала Кирюша обливается слезами, потом уже спокойно повторяет, что мама скоро придет, а затем и вовсе отвлекается от маминой темы и интересуется играми.

Но мама Лена коварна и придумывает для детей своей группы экскурсию вокруг садика. Думаю, лишним будет говорить, что маршрут она проложила мимо нашего участка. Кирюша вылетел к маме, а та («Ой, он меня заметил») забрала его на свой участок. После прогулки она привела Кирюшу в свою группу, там раздела и там же решила накормить («А то он у вас плакать будет и не поест»). Лена принесла мне Кирюшу только тогда, когда уже все малыши были в кроватках. Громким ревом мальчик разбудил уже уснувших и активизировал засыпающих.

Когда Лена уволилась из садика, с облегчением выдохнули все: я, заведующая, методист, родители детей из Лениной группы.

Если мама работает в том же детском саду, где находится ее ребенок, но в другой группе, то лучше, если ребенок не будет видеть ее во время рабочего дня. Это стресс для двух-трехлетнего малыша, когда мама появилась и тут же исчезла. Можно объяснять, рассказывать, что мама тоже работает в садике, но не показываться до тех пор, пока у ребенка не

сформируется представление о распорядке дня, не усвоится правило «мама забирает меня после ужина», пока он не адаптируется к детскому саду, пока он не перестанет плакать при расставании. В 4—6 лет ребенок будет уже спокойно реагировать на маму, проходящую мимо него по своим делам, потому что точно знает, когда мама придет за ним и потому что ему уже весело играть с ребятами. Он обрадуется встрече, помашет маме рукой и продолжит интересную игру.

Танечка. А нужен ли садик?

!!!

Прежде чем отдавать ребенка в садик, родителям надо определиться, твердо решить, нужен ли им садик и зачем.

Это одна из тем, которая часто вызывает споры.

– Одни считают, что детский сад – обязательный пункт в биографии нормального ребенка, иначе он общаться не научится и самостоятельным не станет.

– Другие, что в садик отдают детей только несознательные родители, которые хотят поскорее избавиться от ребенка.

– Кто-то с ужасом вспоминает воспитателей из своего детства и делает все возможное, чтобы их ребенок избежал травматизации детским садом.

– Кто-то опасается, что малыш будет привязан к чужой тете – воспитателю с непонятными жизненными ценностями, которые та будет «транслировать» ребенку.

– Некоторые пытаются найти компромисс убеждений и отдают любимое чадо в детский сад только на полдня или только на один год перед школой, «чтобы привык к дисциплине».

Хотя я много лет проработала в детском саду и оба моих ребенка «садишные», я не считаю детский сад чем-то обязательным. Можно подготовить ребенка и к школе, и к жизни без детского сада.

Детский сад – это не обязательно, но и не ужасно. Есть хорошие садики, хорошие педагоги и есть дети, которые с удовольствием ходят в садик. Даже если не всегда с удовольствием, но сохранно для психики.

Гораздо хуже, когда садика нет, но есть необходимость маме ходить на работу.

Детство моего отца прошло без детского сада. Послевоенные годы. Мать – вдова. Четверо детей, трое из которых совсем малыши: близнецы и погодка. Мать уходила утром на работу, оставляя их на полу, привязанных за ногу к кровати. Ближе к вечеру приходил из школы старший брат (школа в соседней деревне, девять километров пешком). Отвязывал и кормил. Привязывать стали после трагического случая, когда младший слишком близко подполз к печке и получил ожог. Ходить дети научились ближе к трем годам. А попробуйте научиться ходить раньше, если вы большую часть дня сидите, привязанные за ногу... По-моему, лучше, когда ребенок «привязан» к чужой тете из садика, чем к ножке кровати. Но садика не было.

Детство моей мамы прошло без детского сада. Кроватка с ребенком стояла в школьной подсобке. Во время перемен директор школы навещала ребенка. Директор школы – это моя бабушка. Потом взяли из соседней деревни няньку, поселили у себя, кормили и одевали. Нянька – юная девушка недалекого ума из очень бедной семьи, в школе не училась, нигде работать не пригодилась, только за ребенком приглядывать могла. Посадит дите на закорки и носится весь день по улицам... По-моему, садик с квалифицированным педагогическим персоналом был бы лучшим решением. Но садика не было.

В моем детстве садик был. Но появился не сразу. До того счастливого момента, как папе дали путевку в ведомственный садик, я сидела дома с бабушкой. Бабушка у меня была самая замечательная. Но вот ноги у нее болели. По этой причине бабушка не могла водить меня на прогулку. Спуститься с пятого этажа без лифта – это еще могла, а подняться назад после прогулки – нет. Родители приходили с работы домой поздно. Поэтому гуляла я преимущественно по выходным, легко простужалась и много болела. Вопреки опасениям врачей: «Вы с ума сошли! В садик часто болеющего ребенка! Она же тогда вообще болеть не перестанет!» – болеть я перестала. Потому что в садике был режим дня, включающий закаляющие процедуры и ежедневные прогулки утром и вечером.

Исторически детский сад был нужен для того, чтобы мама могла работать, а за ребенком в ее отсутствие был надлежащий уход. Это уже много позже придумали «социализацию».

!!!

Социализация – это процесс усвоения норм поведения, позволяющих человеку функционировать в качестве полноправного члена общества.

Разве без детского сада нормальные родители не научат своего ребенка нормам поведения в обществе? Для развития и общения со сверстниками можно подыскать и другие варианты. Есть разные школы развития, спортивные секции и творческие студии.

Конечно, посещение детского сада имеет значение для облегчения последующей адаптации к традиционной школе (если выбором родителей будет именно традиционная школа, а не семейное образование). Но и тут можно найти альтернативу садику. Для адаптации к школе важно научить ребенка дисциплине, исполнительности, усидчивости. Поэтому, если без садика, то пусть будет спорт и к нему еще какой-нибудь «сидячий» кружок по интересам со строгими правилами, похожий по подходу на классическую школу с ее уроками. Подойдет музыкальная школа или художественная, или шахматы, или конструирование – выбирайте по интересам. За год до школы можно походить на подготовительные курсы в ту школу, в которую собираетесь устраивать ребенка. Этого будет вполне достаточно для облегчения школьной адаптации. А садик – это не обязательно.

Тяжелая для адаптации к садику ситуация возникает, когда мама, подчиняясь установке «ребенок должен ходить в садик» и не имея в том необходимости, приводит малыша, но сама внутренне не готова отпустить его от себя. Ее разрывают сомнения и страх.

!!!

Если мама сомневается, то ребенку тяжелее принять необходимость временной разлуки с ней. Это уже получается не осознанное решение родителей, а какие-то обстоятельства непреодолимой силы, которые осложнили жизнь и маме, и ребенку, разлучив их.

Не надо таких осложнений. Надо, чтобы и маме, и ребенку было хорошо. А хорошо может быть и с садиком, и без садика. Просто нужно подумать и принять взвешенное решение, как будет лучше для вашей семьи.

Танечка – дочка тревожных родителей. Танечке два с половиной года. У нее есть пятилетний брат, который ходит в среднюю группу. Наш садик считается лучшим в районе. Родители смогли устроить и младшую дочку в этот же садик. С большим трудом через знакомых и подарки нужным людям достали путевку. И вот, когда на руках есть путевка в желан-

ный садик, вроде как возникает необходимость водить дочку, иначе (рассуждают тревожные родители) путевка «пропадет», место отдадут другому малышу.

Надо занять место.

Занять шкафчик, занять кроватку.

Надо, чтобы ребенок ходил в садик.

А на самом деле не надо. Никому не надо. Маме не надо на работу, она хочет и дальше сидеть с детьми дома. Но бабушки наседают, говоря о важности социализации.

Вообще, бывает и наоборот, когда мама стремится отдать ребенка в садик, а бабушка хочет сама заботиться о внуке, без всяких садиков. Тоже не лучшая ситуация для адаптации. В этом случае, чем хуже адаптация, чем чаще ребенок болеет, тем больше у бабушки шансов убедить родителей, что дома с бабушкой ребенку лучше. И ребенок из лояльности и любви к бабушке начинает часто болеть...

Но речь сейчас про Танечку. Мама, раздираемая тревогами и внутренними противоречиями, приводит Танечку в садик...

«Пипец», – подумала я, увидев семью в полном составе на пороге своей группы. (Думаю я иногда совсем непедагогичными словами.) Внутреннее чутье, даже, скорее, не чутье, а опыт, подсказали, что легко не будет. И даже трудно не будет. Будет просто «пипец». Слезы в глазах были у всех четверых членов семьи: у Танечки, у брата, у мамы, у папы... Четко считывалась эмоция тревоги, страха и смутно – какой-то обреченности, покорности. «Надо ходить в садик». Кому? Зачем?

– Как долго посещает садик ваш старший сын? – спрашиваю маму, когда папа уводит брата Танечки в свою группу.

– Полгода.

Полгода? И до сих пор слезы в глазах?

Показываю маме и Танечке группу.

!!!

Мамы на группу все реагируют по-разному. Одни радостно замечают картинки на стенах, игрушки на полках, золотых рыбок в аквариуме, удивительно огромный фикус в углу, вертолетик, подвешенный к потолку, маленькие раковины и унитазики. «Смотри, тут все сделано для удобства ребенка! Тут есть чем заняться. Тут хорошо!» – такой посыл идет от мамы к ребенку, который находится в этот момент рядом.

Другие мамы акцентируются на возможных проблемах, проговаривают вслух все свои опасения – понятно, какие выводы делает ребенок в этом случае. Желательно для знакомства с группой и воспитателем в первый раз прийти без ребенка, чтобы не озвучивать свои тревоги и опасения при малыше. И лучше ближе к вечеру, когда в группе остается немного детей и воспитателю легче уделить маме внимание, есть возможность ответить на интересующие вопросы и задать свои, относительно характера и привычек ребенка.

Танина мама восхитилась игрушками и картинками, потому что так «правильно» для Танечки, которую она держит за руку. Но прозвучало это с такой дрожью в голосе и так неестественно, что, полагаю, мамина фальшь еще больше насторожила девочку.

На самом деле мамины мысли были совсем не о многообразии игрушек.

– Ой, у вас тут такой острый угол у шкафа, прямо на проходе.

Угол не острый. Угол прямой, 90 градусов, как у всех стандартных шкафов. Шкаф не на проходе, он просто рядом с дверью в спальню.

– Ой! Рыба на завтрак? А как же кости?

А кости дети выплевывают. Плеваться они умеют даже лучше взрослых.

– Из группы никто не убегает?

Вопрос про убегание из группы, заданный при ребенке, – это прямо-таки призыв: «Беги отсюда при первой возможности!»

– А кафель в туалете не скользкий?

– А вода не горячая из крана течет? Дети не обвариваются?

– А в окна не дует? В спальне нет сквозняков?

– А шкафы закреплены? На себя ничего не уронят?

– У вас полы без подогрева? А ножкам не холодно?

Если тревожащие вопросы есть – их надо обязательно задать, снять тревогу, но задавать их без ребенка.

– А можно, я первое время буду с Танечкой в группе находиться, пока она не привыкнет?

Нет. Во-первых, к чему ей тогда привыкать, если мама рядом? Привыкать нужно к нахождению без мамы. Другие стены, другие игрушки, другие дети – это все и раньше встречалось и не так критично, если мама рядом. Ребенку нужно понять, что в группе есть человек, который полностью заменяет маму и к которому можно обращаться со всеми вопросами, подпускать к себе, взаимодействовать. А если мама рядом, то зачем тогда нужно общаться с какой-то чужой тетей? Поэтому пусть недолго, хотя бы полчаса, но без мамы. Для адаптации это будет эффективней, чем целый день нахождения в группе с мамой. Конечно, будет легче, если первый контакт ребенка с воспитателем произойдет в безопасной для ребенка атмосфере – когда мама рядом. Но для этого наилучшим образом подходит прогулка. Улица – нейтральная территория, а групповое помещение – чужая территория. На улице ребенок более раскрепощен, и знакомство с воспитателем проходит легче.

Есть еще одно обстоятельство, почему я против нахождения мамы в группе. Другие дети. У них возникает закономерный вопрос: «Почему мне нельзя быть в группе с мамой, а ему можно? Я тоже хочу мою маму сюда!» И даже у тех, кто уже перестал плакать в садике, начинается новая волна слез. Даже если никто не плачет, нервозность все равно повышается. Рассеивается внимание, снижается дисциплина, увеличивается число конфликтов. Все потому, что присутствие постороннего человека нарушает привычную внутреннюю систему группы. Осторожные дети напрягаются: «Чего ждать от незнакомой тети?» Общительные дети стараются привлечь к себе внимание нового зрителя, окружают чужую маму, задают вопросы, приносят игрушки. При этом родной ребенок начинает испытывать ревность, от этого негатив к садика может только нарастать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.